

УДК 82-145

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

**ФИЛОСОФСКАЯ ПАРАДИГМА ВОСТОКА
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ КАЛМЫКИИ
(на примере цикла стихов «В тени Конфуция» Р. М. Ханиновой)**

Д. Ю. Зумаева

Обращение к теме Востока является одним из путей реализации принципа диалога культур в литературном пространстве. Эта тема в свое время глубоко интересовала А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Г. И. Успенского, В. С. Соловьева, И. А. Бунина и других русских писателей и поэтов. Восток всегда привлекал художников своей загадочностью, поражал и восхищал своей мудростью, величием, богатством, таинственностью и какой-то непостижимостью. Примечательно, что исключением не являются в этом отношении и современные русскоязычные писатели и поэты Калмыкии, в частности Р. М. Ханинова. Так, создание поэтического цикла «В тени Конфуция» (2002) предопределено постоянным интересом Р. М. Ханиновой к культурологическому и философскому наследиям разных народов, в том числе и народов Востока. Как отмечает сам поэт, ей, как восточному человеку, получившему европейское образование, интересно вернуться к истокам, духовным сокровищам Востока. Кроме того, здесь автор, на наш взгляд, следует за традициями А. С. Пушкина¹ и Л. Н. Толстого².

¹ Широко известно, что, к примеру, творчество А. С. Пушкина было тесно связано с исламским Востоком, Кораном. Поэт чтит арабскую культуру и цивилизацию, способствовал переводу многих стихотворений из древней арабской поэзии. Восток привлекал русского поэта на протяжении всего его творчества [Челышев 1999; Веселовский 1990; Пушкин ... 1999].

² Изучал Л. Н. Толстой и китайскую культуру, философию и литературу, в том числе учения Конфуция (551–479 гг. до н. э.) и Лао-цзы (примерно 571–471 гг. до н. э.). К идейному наследию мыслителей Востока он обратился в конце 70–80-х гг. XIX в., когда во взглядах писателя наметился перелом. Так, в мире повсеместно известен «толстовский пацифизм»: учение самого Л. Н. Толстого («толстовство») выделяет в качестве главных принципов непротивление злу насилием, духовное и нравственное самосовершенствование и всеобщую любовь. Примечательно, что эти же философские категории известны и разработаны в учении древнего китайского философа Конфуция.

Л. Н. Толстой в свою очередь является одним из первых русских писателей, который был знаком с индийской философией, религией и культурой [Осипов 1994; Серебряный 1991]. Как известно, писатель был гуманистом, во многом древнеиндийская философия была близка ему по духу, несмотря на то, что культура России и Индии различна по своей сути.

В статье «Буддийские координаты на карте жизни и творчества Л. Н. Толстого» Р. М. Ханинова, ссылаясь на востоковеда С. Д. Серебряного, отмечает, что в «Круге чтения» [Толстой 1991], «индийские цитаты», хотя и восходят к индийским источникам, они в первую очередь отражают умонастроения и духовные поиски самого Л. Н. Толстого. Из «четырёхсот с лишним строф „Дхаммапады“ писатель отобрал всего около семидесяти, иногда сокращая или как-либо изменяя их, то есть выбрал то, что было созвучно его умонастроениям, и отсекал то, что им не соответствовало» [Ханинова 2008: 14].

Одним из таких источников была сказка «Карма» американского писателя и философа Пола Каруса на английском языке, и позже Л. Н. Толстой сделал ее свободное переложение на русский язык под тем же названием. Особое внимание Р. М. Ханинова обращает на то, что русский писатель и философ «видел в буддийском учении определенное созвучие своей нравственно-философской идее самосовершенствования человека, несомненно, не забывая о ранее переведенной сказке на буддийскую тему» [Ханинова 2008: 15].

Не случайно, что Р. М. Ханинова, проникая в духовное сокровище Востока и творчески вчитываясь в наставления Конфуция, разворачивает диалог с древним мыслителем на тему принципов морали. Так появляется поэтический цикл³ «В тени

³ Напомним, что в литературоведческом понимании «цикл (от греч. *kyklos* ‘круг, колесо’) — несколько художественных произведений, объединенных общим жанром, темой, главными героями, единым замыслом и т. д.» [Словарь ... 1974: 456]. Новейшие исследователи склонны рассматривать цикл как «авторский контекст», в котором «единство стихотворений обусловлено уже авторским замыслом», а «отношения между отдельным стихотворением и циклом можно в этом случае рассматривать как отношения между элементом и системой» [Фоменко 1992: 28]. При этом важным является то, что в лирическом цикле каждое произведение носит самостоятельный, законченный характер, но в то же время, лишь объединившись в одно целое, они «воссоздают динамический образ этого целого» [Введение ... 2000: 487].

Конфуция», написанный в жанре афористической поэзии [Ханинова 2005а].

Целью настоящей статьи является отражение философской доктрины Востока на примере цикла «В тени Конфуция» Р. М. Ханиновой. Обращение к данной области исследования поможет выявить значимость и специфику всего цикла в анализируемом аспекте, отразить глубину ассоциаций и смысловых связей, сочетающихся в себе, с одной стороны, конфуцианские идеи, а с другой — мироощущения современного восточного человека, его новый взгляд на традиционные темы древней китайской дидактики.

Как отмечают исследователи, стремление к циклизации — одна из характерных особенностей творчества Р. М. Ханиновой [Джамбинова 1999: 99–100]. Обращение к лирическому циклу помогает поэту углубить и расширить смысловой акцент темы, создать и в то же время выразить свой образно-философский мир, свою позицию и мироощущение.

«Конфуцианский» цикл Р. М. Ханиновой состоит из тридцати пяти стихотворений, различающихся, во-первых, жанрами (диалоги, притчи, краткие изречения, афористического характера), а во-вторых, объемом (двустихия, четверостишия, восьмистишия и т. д.). При этом всем произведениям свойственен характер проповедничества положительных знаний, гуманистических устоев морали, норм и правил поведения человека, нравственной ответственности.

Суть художественной циклизации автора состоит не в плавном перетекании смысла из одного стихотворения в другое, не в простом умножении и распространении его, а в построении связи на границах одного произведения с другим. При этом каждая подтема цикла как бы «кодирует» определенную концепцию учения Конфуция. В результате образуются своеобразные поэтические подциклы, создающие сложное смысловое единство: автор будто бы развивает диалог с великим китайским мыслителем. Созданные в «тени многовековой восточной мудрости» стихотворения-миниатюры, которые проникнуты глубиной и тонкостью мысли, содержат в себе вывод, универсальную обобщенность и афористичную остроту, поднимаясь тем самым до высот глубоких философских раздумий.

В авторском предисловии поэт обращает внимание на ключевой в цикле образ тени, обозначенный в его названии: «Словом „тень“ в Китае обозначалась живая личностная преемственность поколений: потомки живут в „тени“ своих предков... Недаром в древности говорили, что у каждой вещи есть своя тень: даже когда исчезнет сама вещь, останется ее тень... Бессмертие мысли подкрепляется бессмертием личного рода...» [Ханинова 2005а: 97]. Таким образом, ищущая истину мысль поэта вновь обращается к надвременным ценностям человеческого бытия. Выход человека к дыханию вечности состоит, с одной стороны, в генетической, «родовой», памяти [Ничипоров 2005: 74], а с другой — в вечной силе мысли, преодолевающей смерть и спасающей человека от забвения и беспamięтства⁴. Надо заметить, что мысль поэта о «перспективе человеческой судьбы, завершаемой смертью» [Топалова 2007: 224], является лейтмотивом практически всех произведений Р. М. Ханиновой. Неслучайно, например, в поэме «Час речи» в качестве одного из эпиграфов (а в поэме их два) автор использует строки из стихотворения И. Бродского: «...От всего человека вам остается часть речи. Часть речи вообще. Часть речи» [Ханинова 2005б: 24]. В этом смысле величие человеческой мысли как непреходящей, вечной ценности, составляющей бесценное творение, является для автора той константой, которая характерна для диалога с великим наставником. Отсюда, как следствие, возникает еще одна центральная тема цикла — «связь личности с наследием древности» [Ничипоров 2005б: 124]:

Хранящий древности тепло,

Ты не своди его к забаве,

Вноси открытие свое —

Тогда учить ты будешь вправу [Ханинова 2005а: 123].

Познание и понимание древнего, по мысли Р. М. Ханиновой, ведут к созданию будущего. Философское размышление об обязательном стремлении каждого человека впитать и постичь великие заветы предков, не теряя тем самым связь с «корнями», содержится и в стихотворении-притче «Тень и след» (2002), помещенном в конец цикла и содержащем рассказ об участии человека, который попытался убежать от собственной

⁴ Подробнее об этом см. статьи И. Б. Ничипорова [Ничипоров 2005а: 74], Д. Ю. Топаловой [Топалова 2007: 224].

тени, чем и обрек себя на смерть. Таким образом, глубоко философская мысль о следовании древней мудрости выступает как бы «противовесом беспамятству и „робинзонаде“» [Ничипоров 2005б: 123], являясь при этом основой всего цикла.

Начальное стихотворение «конфуцианского» цикла представляет собой своеобразную вводную формулу, подготавливающую читателя к погружению в мир восточной философии. На ценностно-идеологическую установку произведений указывает и вопросительная модальность стиха, сообщающая заряд философских раздумий об искомом смысле земного бытия, о «пути творца», вступившего на путь познания истины:

Что ищем мы в заветах мудреца?

Безмолвия в речах?

*Иль путь в молчании? Ведь путь творца
Не выразить в словах?* [Ханинова 2005а: 98].

Осмысляя основополагающие принципы китайской философии, Р. М. Ханинова отражает в этих строчках восточное понимание мудрости, основа которой — молчание, немногословие, умение говорить в меру. Мудрее всех тот, кто прячет свою мудрость, — соглашается с Конфуцием поэт. Раздумье о неизреченности и сдержанности в речах позволяет автору прийти к формулировке такой восточной черты как сознательное контролирование речи, ответственное обращение со словом:

Мудрее тот на свете, говорят,

*Кто прячет свою мудрость ото всех
умело,*

Кто скажет ровно столько и впад,

Чтоб выразить свой смысл смело.

В осмысленной же речи, что сказал,

Уравновешена неизреченность.

Внимающий, что истины алкал,

Понять стремится предопределенность [Ханинова 2005а: 99].

Размышления о необходимости вдумчивого обращения со словом содержится и в стихотворении «На белой яшме пятнышко стереть...» {35}⁵:

На белой яшме пятнышко стереть

Возможно, испытав усталость.

А на словах своих пятно стереть

Нигде и никому не удавалось [Ханинова 2005а: 134].

Рисуя конфуцианский образ истинного мудреца, Р. М. Ханинова сквозь призму ме-

тафор подчеркивает его отношение к мирским ценностям: безразличие к еде, богатству, жизненным удобствам и материальной выгоде. Он посвящает свою жизнь служению высоким духовным идеалам, людям и поиску истины:

Для мудреца богатство и чины,

Что облака на небе, мимолетны.

Его потребности естественно скромны:

Вода, простая пища, и охотно

Он локоть голове спать подставляет,

Четыре стороны не понаслышке знает

[Ханинова 2005а: 104].

Не случайно, что в стихотворении «Подобно сердце мудрого горе» {3} сердце человека, вступившего на путь истины и сумевшего отречься от всего временного и тленного, ассоциируется автором с «горой», символизирующей достижение высокой ступени, идею духовного возвышения и абсолюта:

Подобно сердце мудрого горе.

Горе, чья твердь научит дух

Гранитной тверди в языке.

Уловит только чуткий слух,

Какой покой хранит в себе

Забывших бурь подземный рокот,

Как неизбывные в судьбе

Сомнения и редкий ропот [Ханинова 2005а: 100].

Процесс поиска «утонченной» истины, открывающейся лишь на мгновение и ускользающей как воды в уступах, является одним из лейтмотивов цикла. Ее невозможно постичь ни зрением, ни слухом, ни осязанием. Однако, встав на путь познания истины, человек обнаруживает глубинные закономерности бытия, делает свой путь великим, обретая тем самым гармонию. Формально-содержательное начало произведения подчиняется следующему принципу: две первые строки содержат тезис, а две последующие — поэтически оформленный пример:

Путь расширяет человек — и не иначе, —

Идет за истиной, ее определяет.

Так птица дерево себе вновь обозначит.

А дерево же птиц не выбирает [Ханинова 2005а: 102].

Посвятив всю жизнь обдумыванию священного вопроса *Как жить мудро и достойно*, Конфуций в свое время пришел к выводу, что из всех важнейших элементов именно мораль превышает всего. Мысль о том, что главную основу поведения человека при любых обстоятельствах (в обществе,

⁵ Здесь и далее в фигурных скобках {} указывается порядковый номер стихотворения в цикле.

в семье и т. д.) составляет нравственность, преподносится как непреложная истина, выявленная и закреплённая опытом всего человечества. Все люди по своей природе похожи друг на друга, но в то же время им присущи разные привычки, поэтому не все способны быть одинаково высоконравственными. Одни становятся на путь добра, другие — на путь зла:

*Людей природа лишь объединяет,
Привычки же людей разъединяют* [Ханинова 2005а: 105].

В своих рассуждениях Р. М. Ханинова делает упор на самосовершенствование личности. Автор тонко и ненавязчиво подводит читателей к тому, что каждый способен сделать свой путь великим. Для этого человеку просто необходимо, не останавливаясь, шагами мелкими идти вперед, и тогда истина познается им без каких-либо усилий:

*Не пренебречь делами буден —
Тогда успешными мы будем.
Ведь даже самый длинный путь
Шагами мелкими идем мы, ты не забудь* [Ханинова 2005а: 110].

Самосовершенствуясь, человек должен соблюдать «идеальные» правила или нормы поведения, стремится к исправлению недостатков, к признанию неправильных поступков и совершаемых ошибок. По Конфуцию, по-настоящему ошибается тот, кто, спотыкаясь, не исправляет их:

*Все спотыкаются в ходьбе
Ребенок и старик.
Но хром, пожалуй, тот в уме,
Кто исправляться не привык* [Ханинова 2005а: 107].

Общеизвестно, одно из ключевых понятий учения Конфуция — понятие «гуманности», которое одновременно является и чувством долга. Основой же человеколюбия, согласно мысли древнего китайского мыслителя, является высшая почтительность детей к родителям и уважение к старшим. Следуя конфуцианским моральным предписаниям, Р. М. Ханинова также указывает читателю на то, что сила человечества заключается в родовой памяти:

*В семье истоки истины всегда,
Так корни — кроны тем сильны,
Что почвой всей укреплёны.
И мысли Куна⁶ продлены,*

В прямых потомках всей родни [Ханинова 2005а: 112].

В стихотворении «Учитель Кун с учениками» {23} Р. М. Ханинова вновь ставит вопрос о существовании неуничтожимых, надвременных ценностей человеческого бытия. Рисуя возвращение странствующего человека, утратившего и забывшего родовые корни, поэт снова предупреждает о недопустимости забвения семейных отношений, пренебрежения их святостью, так как они являются собой, по мысли автора, суть жизни:

*О не судите меня строго!
Теперь я только осознал:
Желает дерево покоя,
А ветер-непоседа юн.
Желает сын заботиться о доме,
А в лютне не хватает струн...
— О, как же поучительна судьба, —
Сказал Учитель, — ныне и всегда* [Ханинова 2005а: 122].

В подобных притчевых произведениях цикла, представляющих собой отрывки бесед великого Учителя с учениками и имеющих преимущественно диалоговую конструкцию, автором тонко раскрывается сердцевина конфуцианского учения, сущность глубокой философской мысли наставника, его значительный духовный опыт. При этом отражаются не просто общие вопросы бытия, а этико-философские размышления о жизни и смерти, старости, зрелости и юности, о том, что окружает человека, находится в центре его созерцания и мысли.

Так, в стихотворении «Спросил Учителя однажды ученик» {33} поэт затрагивает один из величайших парадоксов действительности и вечную загадку совместимости жизни со смертью. Смерть — естественное явление, общий удел всех. Движение к ней неумолимо, и это движение никогда не прекращается. Однако, согласно мысли поэта, к смерти надо относиться с философским спокойствием и безразличием, как к естественному, закономерному явлению. У человека же, не познавшего жизнь, не должны возникать мысли о смерти; он должен жить, стремясь к максимальному использованию радостей жизни. Как справедливо отмечает И. Б. Ничипоров, слово автора служит здесь «своеобразным лирическим комментарием к изречению главного героя, попыткой его личностного прочтения» [Ничипоров 2005б: 128]:

⁶ Настоящее имя Конфуция — Кун Цю (Кун — фамилия, Цю — имя). Привычное нам слово Конфуций происходит от латинской транскрипции ки-

тайского словосочетания Кун фуцзы, в дословном переводе означающее «учитель Кун» [Конфуций 2011].

*Еще не знаешь ты о жизни ничего.
Так разве можешь, забегая, знать —
Беспечно, праздно и легко, —
Что значит смерть и тайну пости-
гать?* [Ханинова 2005а: 132].

Немало внимания в цикле уделяется и просвещению. Человеческую жизнь поэт рассматривает как постоянный процесс учения, воспитания, осмысления накопленных знаний и опыта. При этом лирический голос автора напоминает, что при должном старании, выдержки и терпении достижима любая цель:

*В учении излишня торопливость.
В учении потребна терпеливость.
Так, если лук все согнутым держать,
Упругость потеряет, чтоб стрелять* [Ханинова 2005а: 132].

В {9} миниатюре цикла «Тот, кто усерден в учении, не размышляя» говорится о том, как важно сосредоточенно размышлять о сути прочитанного и обдумывать усвоенное, ибо обучение без размышления опасно. Кроме того, ранее полученное знание необходимо освежать, подчеркивает автор, ибо повторение *упражняет ум в ученье*, позволяет успешно продвигаться вперед и овладевать новым материалом:

*Тот, кто усерден в учении, не размышляя, —
Жертва чуждого он заблуждения часто.
Тот, кто усерден в раздумьях, но не
желает
Ум упражнять свой в ученье напрасно, —
Бедствия легкая сразу добыча* [Ханинова 2005а: 106].

В притче «Звуки музыки лишь посвященным...» рассказывается о постепенном постижении юным Куном основ музыкального искусства. В этом произведении Р. М. Ханинова снова ратует за важность глубокого, серьезного и усердного обучения наукам, указывая при этом на бесконечность и перспективность этого процесса. В подробном описании непрестанных многотрудных усилий старательного ученика, его стремления понять не только само музыкальное произведение, но и «разгадать» личность художника, его сотворившего, автором отражаются способность человека к самообновлению и умение постигнуть суть вещей путем углубления в аспект познания:

*Нет, учитель. Прошу вас немного
Дать времени, — молит вновь Кун. —
Не судите меня очень строго:
Без седла еще мысли скакун.
Мне понять захотелось, учитель,*

*Кто был песни такой сочинитель.
Вновь над лютней склонился, являя
То волненье, то думу скрывая* [Ханинова 2005а: 116].

В целом цикл Р. М. Ханиновой «В тени Конфуция», созданный в духе восточной поэзии, помогает не только вникнуть в гуманистическое учение восточного мыслителя, в основе которого лежат общечеловеческие принципы, но и, как отмечает И. Б. Ничипоров, способствует «творческому самопознанию» самого автора, его постижению вековых тайн бытия [Ничипоров 2005б: 132]. Поэт словно вбирает в себя опыт древней мудрости, пронизывает его собственной оценочностью, рождая при этом глубокие нравственно-философские заключения. Особая значимость всего цикла заключается и в том, что поэт не просто разворачивает перед читателем все панорамы возможных представлений и ассоциаций, связанных с этическими наставлениями, моральными предписаниями Конфуция, но и, погружая читателя в *тень* великой мудрости, словно *возвращает к началу времен*, будит его мысль, задает ей определенное направление, сопрягая тем самым современников с бесценными, сакральными идеями древнейшей китайской дидактики.

Литература

- Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. М.: Изд-во Высшая школа, 2000. 680 с.
- Веселовский С. Б. Род и предки Пушкина в истории / отв. ред. С. М. Каштанов. М.: Наука, 1990. 334 с.
- Джамбинова Р. А. Поэзия — исповедь... // Теегин герл. 1999. № 8. С. 99–100.
- Конфуций [из Свободной энциклопедии «Википедия»] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Конфуций> (дата обращения 15.01.2011).
- Челышев Е. П. Мир Востока и Пушкин // Наука в России. 1999. № 1. С. 75–81.
- Ничипоров И. Б. Эссе «Час речи...»: философская поэма Риммы Ханиновой // Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б. На перекрестках Софии и Веры... / стихи, поэмы, эссе. Элиста: АПП «Джангар», 2005а. С. 71–76.
- Ничипоров И. Б. От афоризма к притче: поэтические циклы Риммы Ханиновой «В тени Конфуция» и «Ключи разума» // Азия в Европе: Взаимодействие цивилизаций. Язык, культура, этнос в глобализованном мире: на стыке цивилизаций и времен. Мат-лы Междунар. конгресса. В 2-х частях. Элиста: КалмГУ, 2005б. Ч. 1. С. 124–132.
- Осипов В. Индийские строчки Льва Толстого. Очерк-хроника // Буддийский мир (Альманах) / сост. В. Бараев. М.: Раритет, 1994. С. 33–52.
- Пушкин А. С.: Восток. Кавказ. Дагестан. К 200-летию поэта / под ред. чл.-корр. РАН Г. Г. Гамзатова. Махачкала: ДНЦ РАН, 1999. 226 с.
- Серебряный С. Д. Комментарии // Толстой Л. Н. Круг чтения: Избранные, собранные и расположенные

- на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении / сост., вступ. ст. А. Н. Николюкина. Т. 2. М.: Политиздат, 1991. С. 334 – 338.
- Словарь* литературоведческих терминов / под ред. Л. П. Тимофеева и С. В. Тураева. М.: Просвещение, 1974. 473 с.
- Толстой Л. Н.* Круг чтения: Избранные, собранные и расположенные на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении / сост., вступ. ст. А. Н. Николюкина. Т. 2. М.: Политиздат, 1991. 399 с.
- Топалова Д. Ю.* Фольклорные традиции в аспекте буддизма в поэме Риммы Ханиновой «Час речи» // Феномен личности Давида Кугультинова — поэта, философа и гражданина. Мат-лы Междунар. науч. конф. / ред. С. М. Трофимова и др. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 223–227.
- Фоменко И. В.* Лирический цикл: Становление жанра. Поэтика. Тверь, 1992. 124 с. Ханинова Р. М. В тени Конфуция [цикл стихотворений] // Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б. На перекрестках Софии и Веры... / Стихи, поэмы, эссе. Элиста: АПП «Джангар», 2005а. С. 97–134.
- Ханинова Р. М.* Буддийские координаты на карте жизни на каждый день и творчества Льва Толстого // Мандала. 2008. №№ 16, 17. С. 14–22.
- Ханинова Р. М.* Час речи // Хонинов М. В. Хонинова Р. М. Час речи: Стихи и поэмы. Элиста: АПП «Джангар», 2005б. С. 24–41.